

быцця, той базы, на якой грунтуецца існаванне асобы, народа, чалавецтва ўвогуле. Таксама назіраецца перагляд адносінаў да такіх паняццяў, як дабро, праўда, Бог, смерць і г.д. Герой пераасэнсоўвае гэтыя паняцці, выбудоўвае сваю аксіялагічную сістэму, якая часта кардынальным чынам разыходзіцца з агульнапрынятай або замацаванай у яго свядомасці раней.

Літаратура

1. *Бондар Т.* Павуцінне: Раман-містэрыя. Мн., 2004. С. 223.

БИБЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГЁТЕ (ЗАМЫСЛ И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА «ФАУСТА»)

Е. В. Гук

Иоганн Вольфганг Гёте знал и любил Библию с детства, наглядность ее картин и сила языка повлияли на становление характера поэта и сопровождали Гёте на протяжении всей его жизни. В особенности Ветхий Завет, его сказания и притчи оказывали влияние на духовное становление и развитие писательского таланта Гёте. На протяжении всей своей жизни поэт многократно цитировал Библию, размышлял над ее рассказами, интерпретировал ее по-своему и неоднократно повторял, что затратил слишком много душевных сил на эту книгу, чтобы когда-нибудь без нее обходиться.

Немаловажную роль в таком отношении и внимании к Библии сыграла эпоха Просвещения и мировоззрение старшего друга Гёте, И. Г. Гердера, который открывает Библию как синтез конкретного духовного и исторического опыта древнего народа и одновременно как великую модель универсума, как своего рода «второй мир», в котором человек постигает себя самого.

Насколько велико было уважение Гёте к Библии и восхищение ею, можно понять по изобилию ветхозаветных картин и реминисценций в его романах, пьесах, стихотворениях, письмах и беседах, но особенно это усилилось на позднем этапе – этапе так называемого художественного универсализма, когда, как считает Г.В.Синило, «в творчестве великого поэта, и прежде всего в „Фаусте“, синтезируются все стилевые тенденции его века и предшествующих эпох... Немаловажной составляющей эстетики и художественного стиля позднего Гёте становится библейская эстетика, библейская стилистика – в органичном соединении с эстетикой эллинской и современной ему европейской. Но именно библейская топика и стилистика помогают ему выразить важнейшие духовные идеи, связанные с осмыслением сущности и предназначения человека, пути человечества, смысла человеческой истории» [5, с.487].

Наиболее очевидно это в «Фаусте», величайшем произведении, подводящем итоги всему предшествующему периоду идейного и художественного развития писателя, в трагедии, насыщенность которой цитатами из Библии и аллюзиями на нее мало у кого вызывает сомнения. Трагедия открывается «Прологом на небесах», имеющим решающее значение для раскрытия идейного замысла произведения. Некоторые исследователи полагают, что только с появлением этой сцены началось качественное преобразование «Фауста» – из истории о несчастной любви в «поэму о человечестве». «Небеса стали обозначать в „Фаусте“ ту космическую всеобщность, – считает И.Ф.Волков, – в которой зачинается жизненный процесс и в которой он затем, пройдя свой цикл развития, растворяется. Это со стороны художественной формы своеобразное композиционное обрамление, единство исходного и конечного моментов в художественном произведении восходящего жизненного пути человека» [2, с.203].

Именно «Пролог на небе» дает завязку для всего произведения и намечает развязку трагедии. Необходимо отметить, что лишь после написания этого пролога «Фауст» перестал быть просто собранием пестрых сцен, мало связанных между собой отрывков и набросков, а постепенно стал оформляться как некое гармоническое целое. Если раньше еще Гёте не был уверен, как ему завершить «Фауста», спасти ли главного героя или отправить его в преисподнюю, то теперь конец всего произведения был уже отчетливо предсказан в «Прологе на небе». А. В. Михайлов справедливо отмечает роль библейских параллелей в трагедии: «...без сферы библейского не был бы создан „Фауст“ Гёте с его космическими пределами разворачивания сюжета, с его небом и землею» [4, с.475].

Уже фигуры Господа Бога, трех архангелов и Мефистофеля являются в определенной степени заимствованиями из Библии, хотя они и подверглись значительной художественной обработке под пером Гёте (в особенности образ Мефистофеля). «В основном, библейские образы Бога и Мефистофеля использованы в „Фаусте“ для того, – полагает И. Ф. Волков, – чтобы художественно конкретизировать, персонифицировать всеобщие, космические силы природы, составляющие, по представлению Гёте, сущность всех ее конкретных форм, в том числе и общественного бытия человека... По своей всеобщей концепции жизни Гёте и в „Фаусте“ остается просветителем, разрабатывая своеобразный вариант просветительской веры в высокое предназначение человека как естественного существа, которого природа одарила самыми сокровенными, животворными свойствами своей материально-духовной субстанции» [2, с.205].

Восхваление созданного Богом мира, солнечной системы и гармонии сфер, а также некоторые другие мысли в речах архангелов и Мефистофе-

ля во многом восходят к книге Бытия. Далее в «Прологе» замечаем выразительный намек на эту же книгу (Быт 3:14): «Staub soll er Fressen, und mit Lust, wie meine Muhme, die berühmte Schlange» [6, с.18]. Замечательно, сохраняя настроение и смысл, а также аллюзию на Книгу Бытия, переводит этот отрывок Б. Пастернак: «Вы торжество мое поймете, // Когда он, ползая в помете, // Жрать будет прах от башмака, // Как пресмыкается века // Змея, моя родная тетя» [3, с.15].

Но сильнее всего бросается в глаза сходство «Пролога» и ветхозаветной Книги Иова. Неслучайно Гёте для постановки основных философских проблем, для понимания идейного замысла «Фауста», а также для придания «Фаусту» масштаба вечности избирает парадигму, заданную именно в библейской Книге Иова.

«Именно она, точнее – ее экспозиция, – подчеркивает Г. В. Синило, – послужила аналогом для „Пролога на небе“, в котором представлен спор между Господом и Мефистофелем о человеке, о том, достоин ли был последний сотворения и наделения его божественной искрой разума» [5, с.488]. Этот спор отсылает нас к началу Книги Иова и напоминает полемику между Богом и сатаной (точнее, неким ангелом-скептиком, обозначенным словом *сатан*, в переводе С. С. Аверинцева – *Противоречащий*) об Иове, о природе его веры.

Мефистофель, как и библейский *сатан*, уверен, что все искания Фауста только блажь и его легко сбить с пути, отвлечь от возвышенных стремлений, потому что он не больше, чем человек. Не опровергая Мефистофеля, Бог спрашивает, знает ли он Фауста подобно тому, как вопрошает Господь сатану об Иове: «Ты знаешь Фауста? – Он доктор?

– Он мой раб» [3, с. 14].

Тем не менее, Мефистофель уверенно предлагает Богу пари: «Поспоримте! Увидите воочью, // У вас я сумасброда отобью, // Немного взявши в выучку свою. // Но дайте мне на это полномочья» (*Здесь и далее перевод Б. Пастернака*) [3, с.14].

Мефистофель должен просить разрешения на этот «эксперимент» потому, что «Фауст – раб Божий». Как и в Книге Иова (ср. Иов 1:12: «Вот, все, что у него, в руке твоей; лишь на него не простри руки твоей!» (*Здесь и далее – Синодальный перевод*)), Бог позволяет испытать Фауста: «Ты можешь гнать, // Пока он жив, его по всем уступам» [3, с.14]. Бог соглашается лишь потому, что уверен в Фаусте, как и в человеке вообще: ему свойственно заблуждаться, но ошибки неизбежны, ибо человек ищет истину: «Es irrt der Mensch, solange er strebt» [6, с.18]. («Кто ищет – вынужден блуждать») [3, с.13].

Между тем, к Книге Иова отсылает нас не только идея борьбы за душу Фауста, но и упомянутая ранее хвалебная песнь ангелов в самом на-

чале сцены может восходить к данной книге (Иов 38). Возможно также, что на сравнение человека с цикадой, исходящее из уст Мефистофеля, повлияла она же (Иов 39). Многие мысли, характерные для Книги Иова, проходят красной нитью также по всему «Фаусту». К примеру, жалоба Фауста во втором диалоге с Мефистофелем также заимствована из этой книги: «И ночь меня в покое не оставит. // Едва я на постели растянусь, // Меня кошмар ночным удушьем сдавит, // И я в поту от ужаса проснусь... // Мне тяжело от неполноты такой, // Я жизнь отверг и смерти жду с тоской» [3, с.452] (ср. Иов 7:13–16: «Когда подумаю: утешит меня постель моя, унесёт горесть мою ложе моё, ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня; и душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь...»).

И когда Фауст в заключительной сцене первой части, отчаявшись, восклицает: «Зачем я дожил до такой печали!» (в оригинале: «О, если бы я никогда не родился!»), мы видим сходство этого восклицания с самопроклятием Иова: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!» (Иов 3:3) Источником также может быть восклицание пророка Иеремии: «Проклят день, в который я родился!» (Иер 20:14)

Итак, можно утверждать, что только с пониманием Книги Иова, в центре которой, как и в «Фаусте», – ситуация испытания человека, попытка осмыслить сущность человека вообще, путь человека к познанию и самопознанию, только с привлечением этих ее вопросов и проблем, возможно понимание всего «Фауста». Используя Книгу Иова, Гёте выводит свое произведение на уровень вечности, придавая ему всеобъемлющий, всеохватывающий масштаб и наделяя его таким образом обобщающим, философским смыслом.

Литература

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Синодальный перевод.
2. Волков И. Ф. «Фауст» Гёте и проблема художественного метода. М., 1970.
3. Гёте И. В. Фауст: трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака. М., 2006.
4. Михайлов А. В. Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Языки культуры. М., 1997.
5. Синило Г. В. Танах и мировая поэзия. Мн., 2009. С. 473–556.
6. Goethe J. W. Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Urfaust / J. W. Goethe. München, 1996.